

СЕРГЕЙ ГОНЦОВ

Поэт

Родился в 1954 году на озере Большое Белое в Южном Зауралье. Учился в Уральском государственном университете и Литературном институте. Работал в редакциях газет, журналов, в книжных издательствах. Книги стихотворений — «Исчезновение героя», «Ethos», «Как ловить единорога» и др. Публиковался (с середины восьмидесятых) в разнообразных центральных и региональных изданиях. Лауреат Горьковской литературной премии (2006), Литературной премии имени братьев Киреевских (2012).

К ЗЕМЛЕ

Мне кажется, я знаю, что отсюда
Нам не дано уйти, и навсегда
Вот этот путь кремнистый, и вода,
Текущая на волю из-под спуда,
Как знак незавершённого труда;
И Ангела труба над мраком башен,
Звук радостно-глубокий, как руда,
Чей смысл от века благодатно страшен,
И тысячи долин, и эти города,
Как царственная съть старинных брашен;
А если я уйду, то воротиться
Придётся начерно, и этот лёгкий шаг
Привычен мне, и дорассветный мрак,
И странное желанье — воплотиться,
Минуя дуб и одолев овраг;
Вот церковь древняя, эпохи Иоанна,
На царственном холме, или Петра
Собор гигантский, вспомнить не пора,

Но даль пространств всегда благоуханна,
 И пахнет небом тёмная кора;
 И разве одинока в этом мире?
 Ведь теснота оков, что мне дана,
 Сулит свободу, что светлей и шире
 Пространства целого, гремящего на лире,
 Без времени, худого, как война;
 Всё кто-нибудь со мной, и невозможно
 Явь от виденья тайно отличить,
 Видения от яви, вьётся нить,
 Блестит алмазом, и велит оплошно
 Два мира поскорей соединить...

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОЕ

Не забыть, что всё проходит,
 Да опять, в который раз
 Дольний мрак бежит от глаз,
 Речи древние заводит.

День пройдёт, а на дороге
 Как-то дивно свет лежит,
 Как в божественном чертоге,
 Дольний мрак от глаз бежит.

Всё, как ливень, проходило,
 Той же радостью теснясь,
 Возвращалось, как светило,
 И шумело, как ветрило,
 Или древних истин вязь...

В ДОМЕ

Посмотрела, и сделалось ясно,
 Как порядок устроен земной,
 Или мыслит, приволью согласно,
 Как вчера это было со мной.

Тут же вспомнила и ужаснулась,
 И приблизила каждый предмет, —

Ясным взглядом, — рукой не коснулась,
Так привыкла за тысячи лет.

Вольный бег исполинского мира
Тут пресёкся, чтоб вышли на свет,
Здесь — Элады тяжёлая лира,
Там — неслышанный Новый Завет.

Тут столетье себя забывает
Для грядущего, — что позовёт,
Как огонь, тут печаль убывает, —
Дым античный по миру плывёт.

ПОХВАЛА НЕПОГОДЕ

Всегда древней, всегда ужасней
Над миром ходит непогода,
Но веселей, темней, прекрасней
И хлябей сказочных опасней,
То, чем исполнится свобода, —

А эта, с посохом чудесным,
Дробя кремь, пласты смущая,
Полна неведеньем небесным
Про этот мир, кругом вращая
Век золотой иль век железный.

Тут завывает дух простора,
И просит, чтоб подняли веки,
Да тщетно всё, лишь звук из хора —
Тот лязг и скрип, в леса, на реки,
Впотьмах летящий без разбора

Могучий Ангел не заметит,
Что тут берётся, что даётся,
И фонарём во тьме посветит,
И свет, как древность, остаётся.

А в тишине, что воцарится
Как безначальная эпоха,

Внезапно пламень разгорится,
Как ты хотел, да сотворится
Другое, чтоб увидел Бога.

Тут даже Ангела не надо,
Что Бог пришёл, и так понятно.
Но Крепкий скажет: — Что ты, чадо,
То мыслишь чудно и превратно, —
То мыслишь худо и досадно?
Не я ли тут ходил до света?
Но что увидел, — то и ладно...

И станет свет. И жить опасно
Придётся, как во время бездны
И тёмных вод. И разве ясно,
Что дни погожие — небесны,
Что дни ненастные — чудесны,
А мгла клубится не напрасно?

А чем подвинется, возьмётся
Весь этот сонм, что нам незрим?
Весь этот мрак, что к сердцу жмётся?
Да тут же кто-то рассмеётся,
И прост, и чист, как Серафим...

ДАР НАВСЕГДА (о чём поёт ветер)

Всё даровано нам, и стоянье
Перед Богом в соборе глухом,
И в пустыне, — и здесь покаянье
Совершится коротким стихом.

Ведь звучала же арфа Давида,
И доньине в углах мировых
Тот же звук, где находит обида
Молодой, но божественный стих.

В нём составом земным раздраженье
И великих небес поворот

Облекают единым движеньем
Закосневший в паденьях народ.

Творче всяческих, нас одаривший
Гневом, что превосходней наград, —
В нас же большее нас сотворивший,
И обитель сберегший, и град;

Творче всяческих, в мире без вида,
Что утратил своё торжество, —
Помяни псалмопевца Давида
И великую кротость его.

* * *

Зимний лес. Повторённая слава.
Долгий рокот во мгле.
Но другая не тронет забава
На кремнистой земле.

Но другая не тронет отрада,
Не заденет крылом.
Даже холод апрельского сада,
Туча, озеро, дом.

Нет, дыхание чудного сада —
Это повесть земли.
Это радость, покров и ограда,
Но откуда пришли?

Зимний лес. Корабельные сосны.
Вздых творенья глубок.
Вот откуда цветущие весны
Взял таинственный Бог.

В СТЕПИ

Я уже мерцаниям не верю
И огням таинственных болот.
Птице вещей и лесному зверю
Я отдал весь этот обиход.

Где теперь? И кто тут завывает, —
Птица Сирин, ветер иль тайный час
Воли Божьей? Вот уж раскрывает
Некий Вий зеницы — ради нас.

Он пришёл с горелого болота,
И зовёт вернуться, как всегда.
Но уже начертана свобода
И закрыты страшные врата.

Посреди умолкнувшего пира, —
От него остались блеск и дым, —
Мне явилась варварская лира
Вместе с миром, чудно-молодым.

Шум и звон теперь — моя забава,
Ради вольной строгости иной, —
Не нужна болотная мне слава
И мерцаний трепет неземной...

ПОХВАЛА МУСОРГСКОМУ

Памяти Юрия Селиверстова

Дракон таинственный, коснеющий
Глядел с бархана, как купец,
Драхм не имея. Круг яснеющий
Стал светлым кругом наконец...

Ты, музыка. Но до явления
Таинственных небесных нот,
Вещей нечаянных сцепления,
Закат, вступающий в восход.

Нельзя сказать, чтоб это зарево
 Могло исчислить всё, что есть,
 Но всюду мне являлось Карево,
 Как радость, как благая весть.

И вся пустынная цыганщина,
 И завыванье диких струн
 Прекрасны были, как «Хованщина»
 И мира чудного канун...

Вся нечисть мира подорожная
 Тут пригодилась, как весна,
 Как радость иль печаль оплошная,
 Холмы, долины, времена.

Костёр, чуть озаривший раменьё,
 Мальчишка с дудочкой в руке,
 И верный звук, простой, как знаменьё,
 И след копыта на песке...

ИКОНА «НЕРУШИМАЯ СТЕНА»

Как мысль проявилась, хранительная и простая,
 Что стоит эти дни обратить в столетья,
 И тогда приволье тут для того, кто видит,
 Потому что мыслят эти царские склоны, —

Да тут, среди холмов, как в безначальной книге,
 Я вчера оказался волей, — земной и небесной, —
 Чтоб разобрать по главам, пропущенным иль целым,
 Как Материк дышит, жабры свои раскрывая.

А потом я увидел то, что должен был увидеть,
 Храм Петра и Павла, — с богатырской иконой,
 По-царски хранящей этот разгромленный город,
 А не то собирающей чудный град по-матерински...

Раскинув руки, словно бы призывая пчёл Персефоны,
 Но так, чтоб одновременно посыпались Персеиды,
 Пришли быки Микулы, вернулся корабль Одиссея,
 И весь Материк поднялся, вот как эти чудесные ладони...